

*Ю. Д. Коробков (Магнитогорск, Россия)
Н. С. Королёв (Челябинск, Россия)*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕНЬШЕВИЗМА В 1917 г.

Аннотация. В статье представлена точка зрения на один из аспектов русской революции 1917 г. - уникального события, вызвавшего огромное количество публикаций, разнообразных по жанру, исходным теоретико-методологическим позициям и идеолого-политических акцентам. Одной из основных проблем историографии является попытка решить вопрос об исторической ответственности основных действующих лиц политической системы за реализованный сценарий российской драмы. Объективный ответ на него невозможен без анализа теоретических позиций и практической политики основных оппонентов большевиков. Данным обстоятельством обусловлена актуальность проблемы. Ее рассмотрение ведется на примере партии меньшевиков. В ходе исследования авторы пришли к выводу, что меньшевики представляли собой ортодоксальное направление русского марксизма. Их теоретические взгляды опирались на основные положения марксистской теории революции, которая связывала возможность переворота в общественно-политических отношениях с наличием определенных предпосылок. Для их созревания страна должна пройти достаточно длительный этап классического капитализма. Исходные теоретические построения послужили основой для практически-политической ориентации меньшевиков в пространстве российской свободы после февраля 1917 г. Именно теоретические послышки определяли отношение представителей данного политического течения к основным проблемам послефевральской России: к Временному правительству, империалистической войне, рабочему классу, экономической ситуации в стране, захвату власти большевиками. По мере развития революции теоретически верные в рамках своей идеологии взгляды меньшевиков оказались догматическими. Меньшевики не смогли адаптировать их к многоцветной палитре российской реальности и к социально-политическим представлениям социальных низов. К тому же на результаты их политической деятельности повлияло вхождение в состав Временного правительства и, как следствие, разделение с кадетами ответственности за его непопулярную политику. В итоге формально правильная теоретическая программа меньшевиков стала рассыпаться при ее наложении на конкретно-историческую ситуацию российской революции и особенности менталитета низов. Несмотря на это, их лидеры, за исключением левого крыла, продолжали ориентироваться на привычные теоретические схемы и не корректировали их в соответствии с новыми реалиями. В конечном счете, стратегические ошибки в совокупности с нежеланием идти на компромиссы с большевиками стали главной причиной исторического поражения меньшевиков.

Ключевые слова: революция, большевики, меньшевики, политическая борьба, компромисс, марксистская теория.

Историографическую ситуацию партийно-политической борьбы от февраля к октябрю 1917 г. характеризует ярко выраженная идеологизация проблемы [1; 4; 9; 10; 15; 16]. Данная особенность полностью применима к изучению истории меньшевизма. В своем предельном выражении крайность позиций заключаются либо в признании меньшевиков реальной, а не гипотетической демократической альтернативой большевизму (либеральная традиция) [7] либо в оценке их как соглашателей и предателей революции (советская школа) [3].

В новейшей историографии преобладает более взвешенная и объективная оценка роли меньшевиков в российском революционном процессе и причин их политической гибели [2; 6; 13; 14]. В значительной степени этому способствовало издание современными отечественными историками многотомного документального проекта по истории политических партий России [8]. Эта публикация ввела в научный оборот большой массив ранее неизученных источников, чем выявила определенный разрыв в изучении практической политики меньшевиков, а также их теоретической платформы (как правило, анализируемых изолированно друг от друга). С учетом этого обстоятельства в данной статье предпринята попытка рассмотреть влияние теоретической позиции меньшевиков на их политическую деятельность.

Решение поставленной задачи опирается на широкий комплекс источников. Анализ

теоретических взглядов меньшевиков ведется на основе опубликованных документов трехтомника «Меньшевики в России» [8], а также материалов центральных и региональных меньшевистских газет. Указанные источники коррелируются с документальными материалами, отражающими отношение социальных низов к политической практике меньшевиков.

Исследование базируется на следующих специальных исторических и общенаучных методах: *проблемно-хронологическом*, выражающемся в изучении какой-либо части проблемы в хронологической последовательности; методе периодизации, согласно которому изучение фактов осуществляется в рамках определенного периода, что позволяет обеспечить анализ изменений исторической реальности, выявление рубежей этих изменений, начала новых тенденций; системном и логическом методах.

Начнем анализ с характеристики периода, который следует считать высшей точкой политической биографии меньшевизма как ортодоксального направления российской социал-демократии. Этой точкой стал 1917 год. В сжатые исторические сроки меньшевики получили уникальную возможность хотя бы частично осуществить свою программу. В то же время именно 1917 год стал началом их политической гибели. Что же привело их к такому финалу?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к анализу исходных партийных установок и их влияния на политический курс меньшевиков. Как и раньше, главным пунктом теоретических разногласий большевиков и меньшевиков в 1917 году стал вопрос о перспективах русской революции, различные варианты решения которого открывали несхожие векторы практических действий и дальнейшего развития России в целом.

Глубочайшим заблуждением В. И. Ленина, способным привести рабочий класс к трагическому финалу, меньшевики считали его ориентацию на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В строгом соответствии с марксистской теорией они указывали на отсутствие в стране экономических предпосылок для этого, на низкий культурный и политический уровень масс, малочисленность пролетариата и преобладание мелкой буржуазии. Наиболее точно эту позицию сформулировал Г. В. Плеханов в известной статье «О тезисах Ленина и том, почему бред бывает подчас интересен»¹. К слову сказать, «бредовой» назвал речь Ленина не Г. В. Плеханов, а один из репортеров газеты «Единство» в статье, написанной в ответ на выступление В. И. Ленина с апрельскими тезисами. Ссылаясь на ключевое теоретическое положение К. Маркса о том, что любой способ производства не может сойти с исторической сцены до тех пор, пока он способствует развитию производительных сил, и указывая на незавершенность формационного развития российского капитализма, Плеханов считал, что Ленин «разрывает со всеми – основанными на теории Маркса – предпосылками социалистической революции и переходит в лагерь анархистов»².

Характерно, что ответная ленинская аргументация была неубедительной. «Если я два часа говорил "бредовую" речь, как же терпели "бред" сотни слушателей? Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению "брета"»³, – писал он. Возражений Плеханова по существу не последовало.

Теоретические позиции российских социал-демократов определяли их отношение к актуальным проблемам развития послефевральской России и перспективам революционного процесса в стране. После победы революции лидеры меньшевистской партии добровольно, исходя из идейных соображений и своей доктрины, передали власть буржуазии. Обоснование этой позиции впервые прозвучало в речи И. Церетели 29 марта 1917 года. Лидер умеренных меньшевиков говорил о неспособности рабочего класса удержать власть своими силами, о необходимости для ее закрепления объединить все «здоровые силы» страны (к ним он от-

¹ Плеханова Г. В. О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен // Единство. 1917. № 9/10.

² Единство. 1917. 11 апреля

³ Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. В 50 тт. Т. 31. М. : Политиздат, 1969, С. 117.

носил пролетариат и буржуазию) в рамках демократической республики⁴.

Отдавая предпочтение Временному правительству как единственному полномочному органу власти, меньшевики считали полновластие Советов принципиально несовместимым с буржуазным характером русской революции, в результате победы которой, в соответствии со всеми привычными представлениями и зарубежным опытом, к власти должна прийти буржуазия. Кроме того, переход к власти Советов противоречил ориентации меньшевиков на широкую коалицию всех демократических сил страны, включая буржуазную демократию.

Меньшевики опасались, что такой шаг оттолкнет от революции широкие круги населения, способные еще идти вместе с революционной демократией, и переориентирует их на «сторонников старого режима». Постепенно их компромиссная, сориентированная на классовый мир доктрина стала явно диссонировать с углублявшейся поляризацией общества, резко накаленной социально-классовой обстановкой и настроением большинства общества.

Особенно острые разногласия вопрос о власти вызвал после разгрома корниловского мятежа. Если руководство правого крыла меньшевиков после недолгих колебаний в пользу блока социалистических партий вернулось к традиционному союзу с цензовыми элементами, то левые меньшевики и часть центристов (Ф. Дан) ориентировались на однородное социалистическое правительство.

Раскол в руководстве меньшевистской партии отразился на ее местных организациях, которые испытывали серьезные затруднения в выборе своей политической линии. Так, на Урале резолюция первой окружной конференции меньшевиков в Златоусте 19-20 сентября 1917 г. выступила с требованием создания сильной революционной власти с привлечением тех цензовых элементов Демократического совещания, которые захотят сотрудничать с революционной демократией. В отличие от них мотовилихинские меньшевики считали, что сильная революционная власть должна быть свободна от любых компромиссов с контрреволюционными цензовыми элементами, особенно с кадетами. По мнению ижевских меньшевиков, единственным выходом из создавшегося положения является созыв общедемократического съезда, который должен взять на себя власть Временного революционного правительства до созыва Учредительного собрания⁵.

Вопрос о власти как никакой другой отразил противоречивость меньшевистской доктрины, отсутствие единства в партийных рядах и явился одной из главных причин раскола меньшевистской партии.

Характер войны различными направлениями российской социал-демократии оценивался как империалистический, грабительский. Большевики считали, что ее затягивание «несет величайшую опасность завоеваниям революции»⁶, меньшевики говорили, что она «обостряет хозяйственную разруху и создает почву для контрреволюции»⁷. Расхождения возникали и по вопросу путей ее окончания. Средства, предлагаемые меньшевиками, были противоречивы и по-своему утопичны, нереальны в историческом контексте революционной России и сложных международных отношениях того времени. На первых порах они довольно успешно балансировали между «революционным оборончеством» и пацифизмом: всемерное содействие укреплению армии, по их мнению, было необходимо для защиты революционных завоеваний, т. к. поражение России в войне могло привести к разгрому русской революции и явиться поэтому смертельным ударом для международного пролетариата. Эти объяснения и призыв к всеобщему миру без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. По мере затягивания мирных переговоров, невыполнения обещаний Временным правительством и блоком эсеров и меньшевиков, спада революционной эйфории и нарастания апатии масс и их разочарования властью становилось очевидным невыполнимость обещаний мень-

⁴ Меньшевики в России в 1917 году. Т. 3. ч. 2. М., 1997. С.52.

⁵ Попов Н.Н., Бугров Д.В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997. С. 214-215.

⁶ Ленин В. И. Т. 31. С. 407

⁷ Пермская жизнь. 1917. 30 апреля.

шевиков в рамках коалиционного правительства.

Обвиняя большевиков в авантюризме и утопизме, меньшевики вместо братания, как утопического средства достижения мира, предлагали «братание пролетариев всех стран на международной социалистической конференции». В итоге одно течение социал-демократии явно преувеличивало революционные возможности международного пролетариата, другое – завывало степень его конституционного влияния на правящие круги своих стран.

В оценке культурного и политического уровня масс исходные позиции большевиков и меньшевиков практически не отличались, однако выводы делались разные, в строгом соответствии с выбранными теоретическими схемами.

Меньшевики считали, что российская социал-демократия имеет дело с несознательными, слабо организованными и недисциплинированными массами пролетариата и полупролетариата, склонными не к длительной, напряженной и упорной борьбе за свои интересы, а к «стихийным взрывам, развивающим в этот момент большую энергию, быстро спадающую при неудаче»⁸. По сути, они не видели разницы между психологией, обликом российских рабочих и мелкой буржуазии и фактически считали российский пролетариат, за исключением его высококвалифицированного слоя, полукрестьянами-полурабочими. Продолжая давний спор с большевиками о соотношении стихийности и сознательности в массовом рабочем движении, меньшевики полагали, что их оппоненты преувеличивают созидательные возможности стихийного движения масс, принимая «стихийное раздражение городских народных масс, питаемое продовольственным кризисом, за грозные раскаты приближающейся социалистической революции»⁹. В массах, особенно к осени 1917 г., укрепилось равнодушное, угрюмо недоверчивое отношение к жизни, поэтому, указывали они, в случае успеха большевиков «начнется сдвиг вправо, во главе общества снова встанут контрреволюционные силы»¹⁰.

Считая свою партию единственной выразительницей интересов рабочего класса, меньшевики уделяли большое внимание экономической программе, принципиально не отличавшейся от большевистской. Ее основное содержание составляли введение 8-часового рабочего дня, повышение уровня жизни рабочего класса, борьба со сверхприбылями капиталистов, введение рабочего контроля над производством и распределением. Вместе с тем, программа была ориентирована на развитие рабочего движения в условиях буржуазной эволюции страны и отличалась от большевистской более трезвым, взвешенным подходом к решению экономических проблем.

Уже в резолюции Всероссийской конференции меньшевиков о рабочем положении говорилось о немедленном издании декрета о свободе коалиции, необходимости принятия экстренных мер по борьбе «с безработицей, подготовке плана демилитаризации промышленности и осуществлении ряда превентивных мер по ослаблению массовой безработицы и ухудшения положения рабочего класса при возможном усилении хозяйственного кризиса в условиях перехода промышленности на мирное положение»¹¹. Учитывая военное положение и разруху, меньшевики считали, что радикальные экономические реформы могли привести к изоляции рабочего класса и использоваться буржуазией для «натравливания» на пролетариат городской и сельской мелкой буржуазии. Эти опасения не были лишены основания. Одним из средств борьбы буржуазии с рабочим классом являлось обвинение пролетариата в экономическом экстремизме, групповом эгоизме, подрыве экономики и национальных интересов страны, ослаблении боеспособности армии. Эта массивная идеологическая кампания имела определенный успех не только среди городских обывателей, но влияла на отношение к рабочему классу со стороны крестьянства. В частности, летом 1917 г. на Урале участились случаи отказа крестьян продавать хлеб и скот местным заводам. Крестьяне заявляли, что

⁸ Пермская жизнь. 1917. 4 мая.

⁹ Меньшевики в России в 1917 году. Т. 3. М. Ч. 2, 1997. С. 90.

¹⁰ Пермская жизнь. 1917. 26 августа.

¹¹ Меньшевики в России в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. М. 1997. С. 71.

рабочие живут лучше их, работают всего 8 часов, получают хорошее жалование, «скот и хлеб у них покупают по твердым ценам, а промышленные товары продают по "вольным" ценам»¹².

Поэтому, меньшевики призывали рабочих тщательно взвешивать свои требования с тем, чтобы борьба с промышленниками не превратилась в разрушение промышленности. Однако эти призывы нередко «повисали в воздухе». Развитие революции усиливало противостояние труда и капитала, снижало порог восприимчивости разумных мер. Степень радикализации масс опережала даже самые смелые предположения меньшевиков.

Захват большевиками государственной власти был встречен основными течениями меньшевизма неоднозначно. Сосредоточив свое внимание на внешних проявлениях большевистского режима, его антидемократических тенденциях, игнорируя его революционное содержание и предвосхищая итоги его развития, правые меньшевики объявили 25 октября днем «торжества контрреволюции». Они считали, что в отношении большевистского режима позиция должна быть столь же непримиримой, как позиция социал-демократии по отношению ко всякому буржуазно-помещичьему режиму. Соответственно, отрицательным было их отношение к любой возможности договориться с большевиками. «До тех пор, – говорил И. Церетели на всероссийском совещании городов и земств в ноябре 1917 г., – пока захватчики (читай большевики) опираются на силу штыков, соглашение с ними невозможно»¹³.

Теоретическая ошибка правых состояла в том, что они отождествили начальный период развития с конечным («смешав первый месяц исторической беременности с девятым»), пренебрегли всем промежуточным периодом процесса развития, возможностью эволюции большевистской власти, изживания ею неприемлемых для социал-демократии черт.

На практике это привело к фактическому самоустранению социал-демократов с политической арены русской революции вне всякой зависимости от политических условий и деятельности ВЧК. Не случайно, все сколько-нибудь заметные фигуры из этих социал-демократов на деле просто отошли от всякой политической деятельности и превратились в сторонних наблюдателей развертывавшейся в России драмы.

Иной была позиция левых меньшевиков, интернационалистского крыла партии во главе с Ю. О. Мартовым и Ф. И. Даном. Исходя из оценки Советской власти как революционного режима, ими была сформулирована тактика «реформистской оппозиции». Этот путь означал отказ от вооруженного свержения власти, готовность сотрудничать с советским строем в целях его реформирования, улучшения и демократизации. Тем самым выражалось принципиальное приятие соглашения с большевиками, т. е. возможность «единого фронта».

Основной предпосылкой союза с «революционной партией утопического социализма» для левых меньшевиков было сознание того, что большевики и идущие за ними слои городского пролетариата и крестьянства для ближайшего периода революции являются не только субъективно (в своем сознании), но и объективно (по своему социальному смыслу и политическому значению) революционной силой, т. е. стремящейся и способной по своему социальному составу выполнить одну из основных задач революции – уничтожит все остатки помещичье-феодального строя. «И поскольку мы, – писал Р. Абрамович, – этой силы не могли заменить собой, мы обязаны были, по прямому смыслу учения Маркса, поддерживать ее – в случае надобности с оружием в руках – во всем, что касалось выполнения этой задачи. Отсюда – наша тактика поддержки Советской власти в ее борьбе против внутренней и внешней реакции»¹⁴.

Закономерность политической гибели меньшевиков определялась рядом факторов. В условиях небывалой классовой ожесточенности, крайней поляризации политических сил, стремительно растущей радикализации масс и их нередко в анархической, бунтарской реализации своей роли «третьей силы», позиция центра, которую выражали меньшевики, имела

¹² Уральская жизнь. 1917. 14 августа.

¹³ Пермская жизнь. 1917. 18 ноября.

¹⁴ Социалистический вестник. 1922. № 22. С. 6.

слабые шансы. Этот общий вывод усиливается тем, что достаточно прочные и устойчивые позиции социал-реформизма в рабочем движении возможны при достаточной степени интеграция пролетариата в общественный механизм и его относительно высоком жизненном уровне. Поэтому либерализм западного образца был непривычен для русского рабочего и не встречал у него понимания. В данных условиях «жесткая» доктрина большевиков в значительной степени отвечала представлениям и психическому складу большинства русских рабочих, которых уже не устраивали буржуазные ценности и которые «пошли дальше на основе своих представлений о свободе, равенстве, социализме»¹⁵.

Теоретическая концепция меньшевиков, абстрактно правильная, оборачивалась идеализмом на практике, поскольку была ситуативно неверна. Она рассыпалась при экстраполяции ее на историческую конкретику России. В свою очередь, вытекавшая из нее тактика, направленная на политическое и культурное воспитание рабочего класса, развитие его классового самосознания и объективно верная в условиях мирного развития капитализма, не срабатывала в сложной, противоречивой, обостренной ситуации послефевральской России.

В условиях конкретно-исторической предопределенности России на большевистский социализм единственным шансом меньшевиков на сохранение своих политических позиций была многопартийная коалиция социалистических партий [5; 12]. Однако, доктринальная принципиальность, личностный фактор субъектов российской социал-демократии оказались выше общенациональных интересов и блокировали эту возможность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть/ Под ред. В. Ю. Черняева и др. СПб.: Глагол, 1994. 445 с.
2. Булдаков В. П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 376 с.
3. Васьковский О. Ф., Тертышный А.Т. 1917 год в России. История изучения. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993. 317 с.
4. Дьюкс П. Девять точек зрения на Российскую революцию // Россия, 1917: взгляд сквозь годы /под ред. В. И. Голдина. Архангельск : ИСЭРТ РАН, 1998. С. 94-118.
5. Злоказов Г. И. Переговоры об «однородном социалистическом правительстве» после Октябрьской революции // Отечественная история. 1996. № 5. С. 48-57.
6. Иоффе Г. З. 1917 год: упущенная альтернатива // Россия и современный мир. 1993. № 2. С. 11-23.
7. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. / Под ред. Г. А. Бордюгова. М. : РОССПЭН, 1996. 351 с.
8. Меньшевики в 1917 году : в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймонса. М. : Прогресс-академия, 1994-1997. - Т. 1: От января до июльских событий. 1994. 751 с.; Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. 1995. 830 с.; Т. 3, ч. 1: От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (авг.-первая декада окт.). 1996. 446 с.; Т. 3, ч. 2: От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря : (первая декада окт.-конец дек.). 1997. 710 с.
9. Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 72-84.
10. О причинах Русской революции / Отв. ред. Л. Е. Гри-нин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 432 с.
11. Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. 286 с.
12. Рабинович А. Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 г. в России // История СССР. 1990. № 6. С. 182-197.

¹⁵ Пермская жизнь. 1917. 14 июля.

13. Соболев Г. Л. Однородное социалистическое правительство в России в 1917 г.: Нереализованная возможность или историческая иллюзия? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 3-11.

14. Соловей В. Д. Смысл, логика и форма русских революций. М. : Флинта, 2007. 287 с.

15. Февральская революция 1917 г. в русской истории. «Круглый стол» // Отечественная история. 2007. № 5. С. 3-30.

16. Шепелева В. Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 г. в России. (По материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск: Изд-во Омского ун-та, 2005. 346 с.

Yu. D. Korobkov (Magnitogorsk, Russia)

N. S. Korolyov (Chelyabinsk, Russia)

THEORY AND PRACTICE OF MENSHEVISM IN 1917

Abstract. Perhaps none of the events of the XX century has resulted in such a number of publications of different genres, original theoretical and methodological views, ideological and political views, as the Russian revolution of 1917. One of the main problems of Soviet, Russian and foreign historiography is the question of historical responsibility of the main personalities of Russian political system for the fulfilled plot of Russian drama. A sensible answer to this question is impossible without the analysis of theoretical positions and practical policy of the main opponents - the Bolsheviks. The article is devoted to this problem on the example of Menshevik party. During the research, we came to the conclusion that the Mensheviks represented the movement of Orthodox Russian Marxism. Their theoretical views were based on the main provisions of Marxist theory of revolution, in accordance with which the revolution was possible only under certain conditions. To make them valid, the country has to go through a fairly long phase of classical capitalism. The original theoretical beliefs served as the basis for almost political orientation of the Mensheviks' in Russian space of freedom after February 1917. They were the figures who determined their attitude to the main problems of after-February Russia: the Provisional government, the imperialist war, the working class, the economic situation in the country, the seizure of power by the Bolsheviks. With the progress of revolution its theoretically correct in their ideology the Mensheviks' views turned out to be dogmatic, the Mensheviks were unable to adapt them to the colorful diversity of Russian reality and to the social and political ideas of social classes. In addition, the results of their political activity have influenced the membership of the Provisional government and, therefore, the division of responsibility for unpopular policy with the cadets. In the end a formally correct theoretical version of the Mensheviks began to break up when applying it to a certain historical situation of Russian revolution and to the mentality of lower classes. Despite this, their leaders, with the exception of the left wing, continued to focus on familiar theoretical guidelines, and did not adjust them to suit new realities. Ultimately, coupled with the unwillingness to compromise with the Bolsheviks was the main reason for their historic defeat and withdrawal from real politics.

Keywords. Revolution, the bolsheviks, the mensheviks, political struggle, compromise, marxist theory

REFERENCES

1. Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'/ Pod red. V. Yu. Chernyaeva i dr. Saint Petersburg : Glagol, 1994. 445 p.

2. Buldakov V. P. Krasnaya Smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya, Moscow : ROSSPEN, 2010. 376 p.

3. Vas'kovskii O. F., Tertyshnyi A.T. 1917 god v Rossii. Istoriya izucheniya, Ekaterinburg : Izd-vo UrGU, 1993. 317 p.

4. D'yuks P. Devyat' toчек zreniya na Rossiiskuyu revolyutsiyu , Rossiya, 1917: vzglyad skvoz' gody / pod red. V. I. Goldina, Arkhangel'sk : ISERT RAN, 1998, pp. 94-118.

5. Zlokazov G. I. Peregovory ob «odnorodnom sotsialisticheskom pravitel'stve» posle Oktyabr'skoi revolyutsii, Otechestvennaya istoriya, 1996, no 5, pp. 48-57.

6. Ioffe G. Z. 1917 god: upushchennaya al'ternativa, *Rossiya i sovremenniy mir* [Russia and the contemporary world], 1993, no 2, pp. 11-23.

7. Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let, Pod red. G. A. Bordyugova. Moscow, ROSSPEN, 1996. 351 p.

8. Men'sheviki v 1917 godu : v 3 t. / pod obshch. red. Z. Galili, A. Nenarokova, L. Khei-monsa. Moscow: Progress-akademiya, 1994-1997: Т. 1: Ot yanvarya do iyul'skikh sobytii. 1994. 751 p.; Т. 2: Ot iyul'skikh sobytii do kornilovskogo myatezha. 1995. 830 p.; Т. 3, vol. 1., Ot kornilovskogo myatezha do Vremennogo Demokraticeskogo Soveta Rossiiskoi Respubliki (avg.-pervaya dekada okt.). 1996. 446 p.; Т. 3, vol. 2. Ot Vremennogo Demokraticeskogo Soveta Rossii-skoj Respubliki do kontsa dekabrya : (pervaya dekada okt. konets dek.). 1997. 710 p.;
9. Mironov B. N. Russkaya revolyutsiya 1917 goda v kontekste teorii revolyutsii, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, No 2, pp. 72-84.
10. O prichinakh Russkoj revolyutsii / Otv. red. L. E. Gri-nin, A. V. Korotaev, S. Yu. Malkov. Moscow: Izd-vo LKI, 2010. 432 p.
11. Popov N. N., Bugrov D. V. Bremya upushchennykh vozmozhnostei: Ural v 1917 godu. Ekaterinburg : Izd-vo UrGU, 1997. 286 p.
12. Rabinovich A. Popytki formirovaniya mnogopartiinogo demokraticeskogo sotsialisticheskogo pravitel'stva v 1917 g. v Rossii, *Istoriya SSSR*, 1990, No 6. pp. 182-197.
13. Sobolev G. L. Odnorodnoe sotsialisticheskoe pravitel'stvo v Rossii v 1917 g.: Ne-realizovannaya vozmozhnost' ili istoricheskaya illyuziya? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], 2007. Ser. 2. vol. 2. pp. 3-11.
14. Solovei V. D. Smysl, logika i forma russkikh revolyutsii, Moscow: Flinta, 2007. 287 p.
15. Fevral'skaya revolyutsiya 1917 g. v russkoj istorii. «Kruglyi stol» // *Otechestvennaya istoriya*. 2007, No 5. pp. 3-30.
16. Shepeleva V. B. Revolyutsiologiya. Problema predposylok revolyutsionnogo protsessa 1917 g. v Rossii. (Po materialam otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii). Omsk: Izd-vo Omskogo un-ta, 2005. 346 p.

Коробков Ю. Д., Королёв Н. С. Теория и практика меньшевизма в 1917 г. // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2018. Т. 2. № 1. С. 54-61

Korobkov Yu. D. Korolyov N.S. Theory and Practice of Menshevism in 1917, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 1, pp. 54-62

Сведения об авторе

Коробков Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; n.kyakkinen-56@yandex.ru

Никита Сергеевич Королёв – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Челябинского государственного института культуры, Челябинск, Россия; korolev_ns_@mail.ru

Authors:

Yuriy D. Korobkov - Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of World History, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; n.kyakkinen-56@yandex.ru

Nikita S. Korolev - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia; korolev_ns_@mail.ru